

Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I. т. III. Спб. 1909).

(Окончаніе).

Несмотря на то, что силы Императрицы слабѣли съ каждымъ днемъ, въ ея душѣ, въ моментъ отъѣзда изъ Таганрога, еще теплился лучъ надежды; но этой надеждѣ не суждено было осуществиться.

Сопутствуемая небольшой свитой и врачами, Императрица покинула Таганрогъ 22 апрѣля. „Были приняты всѣ мѣры предосторожности, чтобы облегчить для больной долгое и утомительное путешествіе. Въ письмѣ къ матери изъ Харькова отъ 26 числа, она даже не жаловалась особенно на усталость и обѣщала написать еще изъ Калуги, гдѣ должна была произойти ея встрѣча съ Императрицей Маріей Феодоровной; но письмо изъ Харькова было послѣднее. По пріѣздѣ въ Бѣлевъ силы окончательно оставили Государыню“.

Все, что происходило по пути во время поѣздки изъ Таганрога до Бѣлева, подробно записано секретаремъ Елисаветы Алексѣевны Н. М. Лонгиновымъ въ его дневникѣ, нѣкоторыя дополнительные подробности находимъ въ его письмѣ къ брату, писанномъ ровно мѣсяць спустя послѣ кончины Императрицы.

Пользуясь тѣмъ и другимъ источникомъ, мы можемъ воспроизвести довольно подробно послѣднія минуты жизни Императрицы.

„Въ четвергъ, 22 апрѣля, мы собрались, передъ отъѣздомъ въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1910 года.

дворецъ Ея Величества, записалъ Лонгиновъ. Миѣ сказали, что по утру Государыня много плакала; ея глаза были опухши отъ слезъ, когда она появилась въ залѣ, гдѣ собрались три депутаціи: отъ дворянства города Таганрога, отъ русскихъ обывателей и отъ грековъ,—каждая съ хлѣбомъ-солью. Она сказала каждой изъ нихъ нѣсколько прочувствованныхъ и доброжелательныхъ словъ, затѣмъ прошла въ церковь, чтобы отслушать, по обыкновенію, молебенъ. Слезы текли ручьемъ изъ ея глазъ, мы всѣ также плакали, сознавая, что Ея Величество должна была чувствовать въ столь тягостную для нея минуту. Стофрегенъ, стоявшій у окна, предвидя, что это будетъ ея послѣднимъ путешествіемъ, горько плакалъ. Вернувшись въ свои покои, Ея Величество осталась съ четверть часа одна, чтобы поплакать на свободѣ; затѣмъ она сѣла въ карету, чтобы ѣхать.

Намъ было приказано не сопровождать ее въ греческій монастырь, куда, согласно ея желанію, долженъ былъ ѣхать съ нею только одинъ князь Волконскій. Погода была великолѣпная, все зеленѣло, цвѣли тюльпаны и нарцисы, весенній воздухъ былъ упоителенъ. Отъѣзжая двѣ станціи отъ Таганрога, для насъ былъ приготовленъ обѣдъ. Мы были удивлены, когда за обѣдомъ появилась Ея Величество. Она почти ничего не кушала, но хотѣла быть со всѣми. Пообѣдавъ, мы тотчасъ поѣхали дальше въ Исаевку, гдѣ Ея Величество ночевала въ домѣ помѣщика, полковника Исаева.

Она худо провела ночь и по утру видимо была слабѣе. Мы поѣхали далѣе въ имѣніе полковника Стерича, гдѣ былъ приготовленъ для насъ обѣдъ; къ столу были приглашены хозяинъ дома и его зять, генералъ Пушкинъ. Въ этотъ день переѣздъ былъ утомительный; мы прибыли въ Бахмутъ только къ 9 часамъ вечера. Ночь Ея Величество провела хуже предъидущей; и на слѣдующій день мы были встревожены ея слабостью. Когда карета Ея Величества, отъѣхавъ съ версту отъ первой станціи, остановилась, мы подумали, что она кончается; но оказалось, что ей нужно было принять капли, и она не пожелала этого сдѣлать на станціи.

Несмотря на крайній упадокъ силъ, Ея Величество выѣхала изъ Бояна далѣе въ Курскъ; погода была сырая и дождливая, дорога испортилась. Пріѣхавъ въ Курскъ, Ея Величество пожелала отдохнуть и обѣдала одна. Вечеромъ, чувствуя необходимость въ отдыхѣ, она рѣшила провести слѣдующій день въ Курскѣ и приняла княгиню Барятинскую и г-жу Кожухову, супругу губернатора. Погода стала лучше, и Ея Величество два раза выходила на балконъ, чтобы удовлетворить желаніе многочисленной толпы, заполнившей улицу передъ ея домомъ.

„Боже мой“, сказала она, „можетъ ли такое жалкое существо, какъ я, интересоваться этихъ добрыхъ людей?“

1 мая мы выѣхали изъ Курска. Ея Величество, повидимому, нѣсколько окрѣпла. Дорога стала лучше, погода была превосходная. Мы обѣдали на почтовой станціи. Послѣ обѣда Ея Величество удалилась, чтобы отдохнуть. Такъ какъ на станціи Орки она ничего не кушала, то она потребовала кофе. Узнавъ отъ бывшаго тутъ графа Чернышева, что его супруга желала видѣть Стоффрегена, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, Государыня предложила ему самому отправиться съ графомъ и нагнать насъ въ имѣніи князя Кочубея, гдѣ Ея Величество должна была ночевать. Это было въ субботу, на слѣдующій день Императрица хотѣла отслушать обѣдню. Ночью погода испортилась, и это повліяло вѣроятно на здоровье Ея Величества. Она провела ночь очень плохо, была по утру чрезвычайно слаба и послала насъ къ обѣднѣ, а сама не могла присутствовать на ней. Тотчасъ послѣ обѣда мы поѣхали далѣе. На одной изъ станцій былъ сервированъ обѣдъ; до Орла оставалась только одна станція, и мы прибыли въ Орель довольно рано. Когда Ея Величеству предложили провести тутъ цѣлый день, какъ въ Курскѣ, то она сказала, что слѣдуетъ спѣшить въ Калугу, такъ какъ получено извѣстіе, что вдовствующая Императрица уже тамъ и ожидаетъ ее.

Такъ какъ это былъ послѣдній день жизни Императрицы, то ради лицъ, преданныхъ покойному Императору, для которыхъ предназначается все, мною здѣсь записанное, я обязанъ изложить всѣ обстоятельства этого дня возможно подробнѣе.

3-го мая почта была получена рано утромъ. Я самъ понесъ письма Ея Величеству. На мой вопросъ, какъ здоровье Государыни, ея горничныя, заливаясь слезами, сказали мнѣ, что она провела ночь очень худо, ни минуты не спала, задыхалась и была чрезвычайно слаба. Она говорила имъ со слезами:

„Господь ниспослалъ мнѣ эти страданія, и я должна переносить ихъ, но за что же вы, — васъ при мнѣ только двое, — должны мучиться, ухаживая за мною безо всякой пользы? Ради чего должны страдать изъ-за меня окружающіе и раздѣлять мои страданія?“

Я отдалъ горничнымъ письма для передачи Ея Величеству и просилъ сказать ей, что если ей нужно будетъ видѣть меня, то я зайду за полчаса до отъѣзда. Я пошелъ къ себѣ, чтобы приготовить къ отправкѣ кое-какія бумаги. Вернувшись во дворецъ, я узналъ, что Ея Величество принимала орловскаго епископа. Въ виду чрезвычайной слабости Ея Величества, мы были недовольны тѣмъ, что эта аудіенція продолжалась около получаса. Вслѣдъ за нимъ къ Ея Величеству былъ допущенъ не надолго командующій

войсками генераль Загряжскій. Затѣмъ она приняла губернатора Солицева и его супругу, въ чьемъ домѣ она остановилась, потомъ княгиню Волконскую и меня одновременно; княгиня должна была ѣхать въ каретѣ вмѣстѣ съ Ея Величествомъ. Государыня спросила меня, получилъ ли я что-нибудь съ почты. И когда я отвѣтилъ, что мною получено нѣсколько бумагъ съ короной, которыя я уже приготовилъ для отсылки въ Бѣлевъ, она сказала: „Сдѣлайте это, какъ обыкновенно, отъ моего имени“.

Затѣмъ, она освѣдомилась съ участіемъ о моемъ здоровьи, о томъ, имѣлъ ли я извѣстія отъ мой семьи, и передала мнѣ для Стофрегена письмо отъ своей августѣйшей матери, сказавъ:

„Я просила васъ зайти еще разъ, чтобы не заставлятъ этого бѣднаго подагрика подниматься лишній разъ по лѣстницѣ за письмомъ, которое было вложено въ переданномъ мнѣ вами пакетѣ. Такъ какъ онъ ѣдетъ въ вашей коляскѣ, то я прошу васъ отдать ему это письмо; оно отъ моей матери“.

Ея Величество, на мой взглядъ, выглядѣла очень плохо; на ней была шляпа съ большими полями, и она старалась скрыть подъ ними свое лицо. Хотя въ комнатѣ былъ полумракъ, но я все-таки замѣтилъ, что ея лицо горѣло, глаза ввалились и были тусклы; голосъ ея прерывался и былъ беззвученъ, словно она охрипла. Вскорѣ послѣ того, какъ я ушелъ, она собралась ѣхать. Баронесса Розенъ получила позволеніе стать въ залѣ на ея проходѣ и стояла подлѣ Валуевой. Государыня подошла къ ней и, когда баронесса нагнулась, чтобы взять руку Ея Величества и поцѣловать ее, Императрица отняла руку и нагнулась, чтобы поцѣловать ее. Это движеніе вѣроятно очень утомило Государыню, которая наклоняясь чувствовала всегда сильную боль въ желудкѣ. Къ тому же Императрица не любила, чтобы ей цѣловали руку даже тогда, когда она была здорова. Государыня была такъ слаба, что, отходя отъ баронессы, она шаталась. Я стоялъ у окна и не спускалъ съ нея глазъ, чтобы поддержать ее, въ случаѣ, если бы она упала.

Дойдя до половины зала, Ея Величество попросила подать ей мантилью. Лакей набросилъ ее на плечи Государыни такъ ловко, что поправлять ее не было надобности, но Государыня не двигалась съ мѣста, дѣлая видъ, что она оправляетъ вуаль и мантилью то съ одной, то съ другой стороны. Я прекрасно видѣлъ, что она дѣлала это только для того чтобы отдышаться. Сдѣлавъ три-четыре шага и не будучи въ состояніи идти дальше, она сѣла въ кресло, неподалеко отъ дверей и, просидѣвъ минуты двѣ, встала и пошла. Пройдя переднюю, она попросила князя Волконскаго дать ей руку, чтобы сойти съ лѣстницы. Это было необычайно, такъ какъ Ея

Величество спускалась всегда одна. На лѣстницѣ она снова была вынуждена остановиться, чтобы отдышаться, но не пожелала сѣсть въ предложенное ей кресло. Отдохнувъ съ минуту, она сошла съ лѣстницы и сѣла въ карету“.

„Изъ Орла въ Бѣлевъ поѣздка была не по ея силамъ дальняя и трудная, тѣмъ болѣе, что дорога была испорчена дождями; поэтому мы приѣхали въ Болховъ, гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ, только къ тремъ часамъ.

Домъ, приготовленный для Императрицы, былъ чистый и довольно удобный; князь Волконскій предложилъ Ея Величеству переночевать тутъ, но она отказалась, заявивъ, что если бы она была въ состояніи ѣхать дальше, то она предпочла бы остановиться въ Бѣлевѣ, такъ какъ до Бѣлева вдовствующей Императрицѣ пришлось бы проѣхать не болѣе ста верстъ. Князь предложилъ Ея Величеству обѣдать въ ея комнатѣ, но она и отъ этого отказалась, сказавъ, что она не любитъ нарушать разъ заведеннаго порядка, что надо пожалѣть людей и не заставлять ихъ ходить изъ комнаты въ комнату, такъ какъ прислугъ немного, они утомлены дорогой, и имъ приходится безъ того прислуживать въ трехъ—четырехъ комнатахъ.

„Я буду обѣдать съ вами“, сказала она.

Отдохнувъ съ полчаса, Ея Величество велѣла позвать насъ. Она сидѣла въ столовой, въ креслѣ:

„На этотъ разъ, сказала она, пользуясь правомъ и привилегіей старой, больной женщины, я попросила поставить мнѣ это кресло“.

Надобно замѣтить, что Ея Величество не допускала, чтобы за столомъ ей дѣлалось какое-либо отличіе, и если оказывался какой-нибудь особенный стулъ или приборъ, то она приказывала обыкновенно убрать то и другое или предоставить ихъ другимъ. Я сидѣлъ за столомъ напротивъ Ея Величества и былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи, боясь взглянуть на нее, ибо это заставляло ее говорить, а говорить ей уже было очень трудно: она насилу дышала“.

Ея лицо до того измѣнилось, что нельзя было безъ сожалѣнія и грусти смотрѣть на нее; „глаза ввалились и были мутные, подъ глазами двѣ жилы надулись толщиной въ палецъ и были синія; оттого носъ казался такъ широкъ, какъ-будто не принадлежалъ къ ея фізіономіи; подбородокъ отвисъ и ротъ былъ раскрытъ“. Ея Величество чувствовала это, но „ей не хотѣлось рукой поднять подбородокъ, а потому она старалась плечомъ сіе сдѣлать“ и долго дѣлала усиліе, чтобы повернуть голову и правое плечо такъ, чтобы они соприкоснулись и подбородокъ такимъ образомъ приподнялся“. „Чтобы не

огорчить Государыни и не показать вида, что я это замѣчаю, я завелъ рѣчь съ моей сосѣдкой, княгиней Волконской, о красивомъ мѣстоположеніи города Болхова, съ его четырьмя церквами и монастыремъ, которые мы видѣли, подъѣзжая къ городу. Ея Величество приняла участіе въ разговорѣ: мы съ жалостью замѣтили, что слухъ ея ослабѣлъ, и если я говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, къ которому она привыкла въ теченіе пятнадцати лѣтъ, то она меня не слышала и переспрашивала два и три раза объ одномъ и томъ же. „Языкъ ея также не былъ свободенъ, она произносила слова не совсѣмъ ясно, такъ что мы отвѣчали ей нерѣдко наугадъ. За обѣдомъ она спросила меня, не знаю ли я, какая это княгиня Долгорукая была въ Орлѣ и желала видѣть ее.

„Хозяинъ дома, гдѣ я остановился, докторъ, случайно упомянулъ о княгинѣ Долгорукой, матери или теткѣ покойнаго генераль-адъютанта князя Петра Долгорукова, которая пріѣхала въ Орель изъ своего имѣнія, единственно для того, чтобы видѣть Ваше Величество“, отвѣчалъ я.

— Почему же вы мнѣ не сказали этого? возразила Государыня, мнѣ было бы пріятно видѣть эту даму ¹⁾.

Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не было извѣстно ни о ея желаніи представиться Ея Величеству, ни о томъ, что она объ этомъ ходатайствовала.

— Право, мнѣ это очень досадно, продолжала Императрица, я очень уважала ее сыновей ²⁾, которые въ настоящее время уже всѣ трое скончались.

За обѣдомъ Ея Величество кушала только супъ, но всякая ложка супа производила жесточайшій кашель, и это такъ утомляло ее, что отъ этого одного у нея могъ пропасть аппетитъ. Когда подали мясо со шпинатомъ, Ея Величество взяла полную ложку шпината и, пытаясь захватить его на кончикъ вилки, поднесла ко рту. Подали вареную рыбу. Ея Величество долго ловила ее вилкой, пока ей удалось захватить и положить въ ротъ кусочекъ, величиною съ горошинку. Она пила воду съ виномъ; я замѣтилъ при этомъ, что она меньше кашляла отъ холоднаго питья, нежели отъ горячаго. Затѣмъ Государыня встала, сказавъ: „Пришлите мнѣ желе, если есть“. Желе было почти единственное кушанье, которое она могла ѣсть послѣднее время. Ея Величеству послали желе и поданныя къ столу свѣжія вишни. Она скушала желе и три вишни. Затѣмъ она съ полчаса отдыхала.

¹⁾ Княгиня Анастасія Симоновна Долгорукая, рожд. Лантева († 1827 г.).

²⁾ Князя Владиміръ, Петръ и Михаилъ Петровичи Долгорукіе.

Вставъ изъ за-стола, мы сообщили Стофрегену сдѣланныя нами тревожныя замѣчанія.

Онъ сказалъ, что не смѣетъ пойти къ Ея Величеству, такъ какъ она привыкла видѣть его только утромъ и вечеромъ; когда онъ является днемъ, это стѣсняетъ и тревожитъ ее; онъ рѣшился однако остаться въ залѣ, чтобы видѣть Государыню, когда она пройдетъ, и наблюдать за ней.

Войдя въ зало, чтобы ѣхать далѣе, Ея Величество, видимо, была удивлена, замѣтивъ Стофрегена, который, страдая подагрой, садился обыкновенно въ коляску прежде всѣхъ, чтобы избѣжать толкотни и не быть ушибленнымъ.

Быть можетъ она боялась, что онъ посовѣтуетъ ей ночевать въ Болховѣ, или не хотѣла, чтобы онъ наблюдалъ за ней; поэтому она тотчасъ отвернулась влѣво, потребовала свою накидку и прошла, не останавливаясь, къ каретѣ.

По выѣздѣ изъ города насъ настигла сильная гроза и дождь. Дорога идетъ тутъ низиною, и хотя она была исправлена, но дожди снова испортили ее. Мы прибыли въ Бѣлевъ около девяти часовъ вечера; этотъ переѣздъ, при слабости Ея Величества, долженъ былъ сильно утомить ее. Она изнемогала отъ усталости, была вся въ поту, насилу взшла по лѣстницѣ, съ помощью князя Волконскаго, и на ней два раза отдыхала въ креслѣ. „Поднявшись, сказала горничнымъ, что она не понимаетъ, какъ такое изсохшее тѣло, какъ ея, можетъ такъ сильно потѣть.

„Ah! je suis morte de fatigue!“ сказала она Стофрегену, когда онъ вышелъ къ ней. Князя Волконскаго просила написать Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ въ Калугу, что далѣе не въ состояніи ѣхать и должна прожить въ Бѣлевѣ нѣсколько дней и просить ее пріѣхать въ Бѣлевъ. Въ 10 часовъ послали курьера. „Мы дѣлились своими опасеніями на счетъ того, какъ пройдетъ ночь и свиданіе съ Ея Величествомъ на слѣдующій день“.

„Стофрегень, между тѣмъ, сказалъ намъ, что послѣ чаю и отдохновенія пульсъ у Государыни сталъ крѣпче и правильнѣе. Потомъ онъ посовѣтывалъ ей поѣсть немного саго, такъ какъ пустота желудка усугубляла ея слабость. Послѣ такого ужина казалось, что ей было лучше и спокойнѣе“.

„Ея Величество легла спать. Стофрегень велѣлъ послать за нимъ, въ случаѣ какой-либо перемѣны къ худшему. Такъ какъ мы помѣщались въ одномъ домѣ, то я приказалъ лакею разбудить меня, если за нимъ пришлютъ. Въ половинѣ шестого я уже проснулся и поспѣшно одѣлся. Когда я пріѣхалъ въ шесть часовъ во дворецъ, мнѣ сказали, что Ея Величество скончалась.“

Лица, окружавшія Императрицу, такъ описали князю Волконскому послѣднія минуты ея жизни:

„Лежа въ постели, Ея Величество не спала, а находилась какъ бы въ забытьѣ. Вскорѣ она почувствовала какое-то безпокойство, стала задыхаться и ослабѣла еще болѣе. Камеръ-юнгферы просили Государыню позволить хотя одной изъ нихъ находиться въ ея спальнѣ неотлучно. Она не позволила этого, сказавъ, что она и безъ того утомлена, что ей самой хочется покоя, а на ихъ настойчивыя просьбы отвѣчала, что у нея хватить силъ позвонить, если понадобится; что она не привыкла, чтобы кто-нибудь былъ въ спальнѣ, и что хотя бы ей хотѣлось спать, она не уснетъ отъ одной мысли, что тутъ будетъ кто-либо изъ нихъ. На подобный аргументъ возразить было нечего. Ночью Ея Величество нѣсколько разъ звонила, то просила ей дать лѣкарство, то поправить подушку, такъ какъ она могла лежать только въ полусидячемъ положеніи. Послѣдній разъ она позвонила ровно въ четыре часа и, принявъ лѣкарство, спросила, нѣтъ ли по близости кого-либо изъ врачей. Камеръ-юнгфера отвѣчала, что всѣ по близости, стоитъ только позвать, и они придутъ.

„Не нужно, сказала Государыня и отпустила камеръ-юнгферу, которая послѣшила послать за Рейнгольдомъ, такъ какъ Стофрегень съ своей подагрой не могъ придти такъ скоро.

Рейнгольдъ явился черезъ четверть часа.

Въ спальнѣ было тихо; камеръ-юнгфера заглянула—Государыня, казалось, уснула. Вошла вторично. Ея Величество спала необычайно тихо, что изумило ее и доктора. Наконецъ, вошла въ третій разъ; за ней Рейнгольдъ на цыпочкахъ. Комната была слабо освѣщена. Подойдя ближе камеръ-юнгфера увидѣла, что лицо Государыни было мертвенно-блѣдно, а ротъ раскрытъ. Когда она сказала это доктору, онъ велѣлъ ей дотронуться до тѣла, чтобы узнать, тепло оно или холодно. Оно было холодно, какъ ледъ. Тогда дали знать Стофрегену, и насъ всѣхъ извѣстили о томъ, что наша несчастная Императрица скончалась. Слѣдовательно, она скончалась, или лучше сказать уснула вѣчнымъ сномъ, между четырьмя часами и тремя четвертями пятого. Можно думать даже, что она скончалась тотчасъ послѣ того какъ г-жа Тиссонъ дала ей послѣдній разъ лѣкарства, въ четыре часа...

„Послали вторичнаго курьера навстрѣчу Ея Величеству Маріи Ѳеодоровнѣ, которая уже съ утра была на пути въ Бѣлевъ. За три станціи получила она сію роковую вѣсть, плакала много, а часъ спустя продолжала путь и прибыла въ Бѣлевъ въ 8 часовъ вечера.

„Ея Величество Марія Теодоровна пробыла въ Бѣлевѣ весь слѣдующій день и часть утра 6-го числа. Со мной была милостива, потребовала, чтобы я присутствовалъ при вскрытіи тѣла, и сказала, чтобы я, если получится приказаніе отъ Государя доставить ей бумаги покойной, привезъ оныя самъ.

„15 мая въ тотъ день, когда тѣло Ея Величества было перенесено въ церковь, я уѣхалъ изъ Бѣлева, получивъ изъ Петербурга повелѣніе доставить Ея Величеству Маріи Теодоровнѣ, въ Москву, всѣ бумаги покойной Императрицы. Ихъ было немного“. Три дня я работалъ со вдовствующею Императрицей, разбирая бумаги, кои всѣ были уложены, запечатаны и мнѣ возвращены. Чего искали—завѣщанія,—не нашли.

Тихо и одиноко отошла Императрица Елисавета въ вѣчность, такъ же одиноко и малозамѣтно, какъ она проводила свой жизненный путь; между тѣмъ у нея были всѣ данныя къ тому, чтобы играть видную роль и взять отъ жизни свою долю счастья.

По свидѣтельству всѣхъ лично знавшихъ Императрицу, она была очень хороша собою, стройна, граціозна, до конца жизни сохранила величественную осанку и мелодичный голосъ, была любезна, умна, способна чувствовать нѣжно и глубоко.

Прекрасно образованная, она знала въ совершенствѣ французскій языкъ, на которомъ обыкновенно писала, знала основательно исторію, географію, нѣмецкую и всеобщую литературу, изучала даже немного философію, была начитана, постоянно слѣдила за всѣми появлявшимися произведеніями литературы и относилась къ прочитанному серьезно и критически.

Строгая къ себѣ и снисходительная къ другимъ, она умѣла удивительно владѣть собою, была чужда гордости и тщеславія и несмотря на всѣ эти выдающіяся физическія, умственные и душевныя качества, она не была счастлива, не играла никакой роли, не имѣла вліянія на своего царственного супруга, не приобрѣла его любви, не сошлась съ его родными, была нравственно совершенно одинока и, какъ это видно изъ ея отравенныхъ признаній матери, никогда не была счастлива. Было время, когда она чувствовала себя даже очень несчастной, униженной. Въ тѣ горькія минуты, какъ мы уже знаемъ, въ ея душѣ созрѣлъ даже планъ отказаться отъ всего и искать покоя и забвенія въ уединеніи.

Чѣмъ же можно объяснить то, что жизнь Елисаветы Алексѣвны, которой такъ много было дано природою и судьбою, сложилась такъ грустно и безотраднo и что, имѣя такъ много данныхъ, чтобы проявить свою личность, она прошла жизнь незамѣтно.

„Ее мало знали и при жизни ея. Какъ современная молва, такъ

и преданія о ней равно молчаливы,“—говорить князь П. А. Вяземскій.

Причины этого явленія, конечно, весьма сложны; ихъ нужно искать главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ характера Елизаветы Алексѣвны и въ значительной степени въ той обстановкѣ, среди которой очутилась четырнадцатилѣтняя баденская принцесса при дворѣ Екатерины II. Оторванная отъ семьи, въ столь раннемъ возрастѣ, когда ея характеръ еще не вполне сложился, она не сумѣла овладѣть сердцемъ своего столь же юнаго супруга и чувствовала себя въ Петербургѣ одиноко. Екатерина II отнеслась къ супругу своего любимаго внука привѣтливо и ласково, но она была слишкомъ стара и поглощена своими личными и государственными дѣлами, чтобы удѣлять ей много времени, снискать ея довѣріе и откровенность и вліять на ея дальнѣйшее развитіе; къ тому же, два года спустя послѣ пріѣзда Елисаветы Алексѣвны въ Россію ея не стало. Родители Александра I жили въ Гатчинѣ и кромѣ чисто-официальныхъ, требуемыхъ этикетомъ, свиданій, между ними и супругою ихъ сына не установилось никакихъ отношеній. Жизнь при пышномъ дворѣ Екатерины, необходимость присутствовать на всѣхъ церемоніяхъ, приѣмахъ, торжествахъ, была утомительна для Елисаветы, привыкшей къ скромности и простотѣ жизни при Баденскомъ дворѣ; она утомляла ее въ первые годы не только физически, но и душевно: наплывъ новыхъ впечатлѣній, необходимость разобраться въ нихъ и намѣтить себѣ извѣстную линію поведенія, поставить себя въ средѣ ей еще чуждой, и гдѣ ей приходилось играть видную роль, гдѣ многіе заносили конечно ея благосклонности, и гдѣ она неизбежно была окружена интригами, все это было особенно трудно—въ виду ея крайней молодости и заставляло ее быть сдержанной, обдумывать каждый свой шагъ и дѣлиться своими впечатлѣніями только съ матерью, женщиной весьма умной, оставшейся на долго въ глазахъ Елисаветы Алексѣвны авторитетомъ. Съ ней она дѣлилась своими впечатлѣніями, въ перепискѣ съ нею находила отраду и изливала душу, въ ней находила откликъ своей душѣ, съ ней одною была откровенна: закончить день письмомъ къ матери стало для нее потребностью, и она, мало по малу, совершенно замкнулась отъ окружающихъ до того, что казалась ко всему безучастной и холодной.

„Сначала,—говорить графъ А. Х. Бенкендорфъ,—она играла роль женщины покинутой, ревностной патріотки, но ея холодность и совершенное отдаленіе отъ общества внушили всей почти націи полное къ ней равнодушіе“.

Съ годами это отчужденіе, эта холодность усугубились.

„Къ отцу своего супруга Елисавета Алексѣевна никогда не питала симпатій, но его поведеніе въ дни восшествія на престолъ окончательно подорвало чувство расположенія къ нему“.

Въ кратковременное царствованіе Павла Елисавета Алексѣевна, также какъ и ея супругъ, подвергалась всевозможнымъ стѣсненіямъ, и это время оставило на ней глубокой слѣдъ; она еще болѣе замкнулась въ самой себѣ. Изъ этого состоянія, ставшаго какъ бы системою, не вывело Елисавету Алексѣевну даже потрясающее событіе 11 марта 1801 года.

„Въ первыя минуты послѣ катастрофы, Государыня, отличавшаяся всегда большимъ самообладаніемъ, не потеряла присутствія духа и оказала Александру нравственную поддержку, въ которой онъ такъ нуждался.“

„Этотъ моментъ былъ самый подходящий для того, чтобы проявить въ чемъ-либо свое вліяніе, тѣмъ болѣе, что Императрица Марія Ѳеодоровна, предавшись горю, временно удалилась въ Павловскъ, но Елисавета Алексѣевна не захотѣла или не сумѣла воспользоваться обстоятельствами.“

Можно думать, что и въ этомъ случаѣ ей помѣшала занять подобавшее ей по праву мѣсто, подлѣ своего супруга, все та же присутствующая ей черта характера: желаніе быть какъ можно менѣе замѣтной. На это ей не разъ указывала мать, совѣтуя быть рѣшительнѣе и энергичнѣе. Скромность Императрицы и желаніе быть какъ можно менѣе на виду доходили до того, что, какъ она сказала однажды Карамзину, пользовавшемуся ея особымъ довѣріемъ, „нерѣдко стоя передъ зеркаломъ для убранства, когда она готовилась на царскій выходъ или на балъ, она сѣтовала и почти досадовала на дары природы, которые должны были обратить на нее общее вниманіе“.

Какъ только улеглось первое впечатлѣніе отъ событія 11 марта, сблизившаго молодыхъ супруговъ, Елисавета Алексѣевна снова ушла въ себя; „ей казалось, что не слѣдуетъ стѣснять ни дѣйствій, ни побужденій Александра, а предоставить ему полную свободу. Она хорошо изучила характеръ Маріи Ѳеодоровны и знала, что ея удаленіе будетъ недолговременно, что она не преминетъ вмѣшиваться въ дѣла и постарается вліять на сына. Чувствуя это, Елисавета не хотѣла ставить мужа въ неловкое положеніе, между двумя различными теченіями, и рѣшила остаться совсѣмъ въ сторонѣ.“

„Это рѣшеніе было ея непоправимой ошибкой, которую признавала ея мать, маркграфиня Баденская, неоднократно указывавшая ей на это во время своего пребыванія въ Петербургѣ лѣтомъ 1801 г.“

„Отстраненіе Елисаветы Алексѣвны было истолковано холодною и безучастіемъ ко всему тому, гдѣ она могла и должна была возвысить свой голосъ“.

Это было ея слабостью, ея виною передъ супругомъ; устранившись отъ всякой борьбы, молодая Императрица проводила время въ кругу немногихъ лицъ, которымъ она вполнѣ довѣряла. „Первою мѣсто между ними занимала ея фрейлина княжна Шаховская, впоследствии княгиня Голицына. Она всецѣло завладѣла расположеніемъ Императрицы, и имя „Principessa“ то и дѣло встрѣчается въ ея письмахъ, до кончины княгини, послѣдовавшей въ 1807 г.“.

„Александръ Павловичъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ, началъ увлекаться красавицей-полькой М. А. Нарышкиной. Елисавета Алексѣвна и тутъ осталась пассивной и ничего не сдѣлала, чтобы удержать расположеніе супруга; она молча смотрѣла на его сближеніе съ Маріей Антоновной, которая держала себя по отношенію къ ней иногда вызывающе.“

Хотя Императрица и жаловалась матери на невѣрность супруга, но когда маркграфиня совѣтовала энергично протестовать, Елисавета продолжала безмолвствовать..

Когда она потеряла двухъ обожаемыхъ малютокъ, на которыхъ были сосредоточены всѣ ея заботы, и лишилась своего друга, княгини Голицыной, ею овладѣло отчаяніе, разочарованіе и желаніе предать себя полнѣйшему забвенію. Современники единодушно жалѣли безутѣшную мать—и только. Затѣмъ о ней всѣ какъ бы забыли“.

Дѣлала ли Императрица въ эти годы что-нибудь, чтобы отвлечь Александра отъ чаръ Маріи Антоновны?

„Едва ли,—говоритъ ея августѣйшій біографъ.—Она какъ будто съ удовольствіемъ играла роль, всегда возбуждающую участіе, женщины покинутой, жертвы судьбы. Ее влекло къ мужу, но она не умѣла даже выразить ему наглядно своего влеченія. Въ это время она сблизилась съ графиней Софьей Владиміровной Строгановой и увлекалась чтеніемъ.“

„Графиня—женщина самыхъ возвышенныхъ и честныхъ правилъ, была очень образована, начитана и набожна, въ духѣ православной вѣры. Она, безспорно, имѣла на Государыню наилучшее вліяніе, но вліяніе это было одностороннее и направлялось, почти исключительно, въ религіозную сторону. Софья Владиміровна хотѣла, чтобы Елисавета сдѣлалась убѣжденной православной и укрѣпила бы въ себѣ чувство незыблемой вѣры. И она достигла цѣли. Императрица сдѣлалась глубоко вѣрующей, въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова. Со временемъ, она совершенно свыклась съ русскими

обычаями и полюбила Россію, которая стала для нея, не на словахъ, а на дѣлѣ, второй родиной“.

Это видно изъ писемъ Императрицы къ матери во время Отечественной войны, когда, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, Елисавета Алексѣевна не столько увлекалась подъемомъ германскихъ національныхъ чувствъ, сколько ставила на первый планъ величіе и интересы Россіи, и при посѣщеніи Бадена въ 1814 и 1818 годахъ, несмотря на радость свиданія съ родными, тяготилась пребываніемъ на чужбинѣ и всѣми помыслами стремилась въ Россію. Отечественная война заставила и ее встрепенуться и раздѣлить чувства, волновавшія все русское общество, и она захотѣла чѣмъ-нибудь отозваться на нихъ и проявить свою инициативу въ общественномъ дѣлѣ и приняла непосредственное участіе въ судьбѣ раненыхъ и разоренныхъ войною. Такъ возникло, какъ мы уже знаемъ, подъ ея покровительствомъ общество патріотическихъ дамъ и домовъ трудолюбія.

Ея письма, относящіяся къ 1812—1815 гг., дышатъ неподдѣльной любовью къ Россіи и ненавистью къ Наполеону, причинившему ей столько бѣдъ.

„Съ этого времени Государыня стала стремиться къ сближенію съ супругомъ, чтобы облегчить ему нелегкую задачу защиты интересовъ Россіи, и старалась всячески дѣлать ему пріятное. Достигнуть этой цѣли было нелегко. Начиная съ 1818 года, Александръ Павловичъ находился въ постоянныхъ разъѣздахъ: то на конгрессахъ за границей, то на инспекціяхъ внутри Россіи. Приходилось ловить минуты, когда Государь находился въ столицѣ или ея окрестностяхъ, чтобы имѣть возможность быть съ нимъ наединѣ. Въ этомъ случаѣ никакое утомленіе не останавливало Государыню; несмотря на физическую трудность передвиженія изъ Царскаго Села въ Петергофъ или съ Каменнаго острова въ Павловскъ, она съ упорствомъ и мужествомъ превозмогала немощи и старалась не покидать Государя, даже во время безконечныхъ церемоній и парадовъ, которые она ненавидѣла. Такое отношеніе Государыни не могло не быть замѣченнымъ Александромъ; эти чувства глубоко трогали его, и онъ, со своей стороны, началъ выказывать Елисаветѣ Алексѣевнѣ особое вниманіе, которое съ годами все росло и проявлялось все чаще и чаще. Въ 1822—23 гг. ихъ взаимныя отношенія настолько окрѣпли, что Государь самъ старался удѣлять ей больше времени и, когда это удавалось, супруги были счастливы, переживая какъ бы вторично вмѣстѣ медовые мѣсяцы. Привязанность Елисаветы Алексѣевны къ своему супругу росла; какъ видно изъ ея писемъ, всѣ ея мысли были, въ это время,

устремлены къ любимому мужу, и все, что его касалось, составляло теперь первѣйшую заботу Государыни. Но злой рокъ преслѣдовалъ ее; когда отношенія супруговъ стали дружественныя, и счастье улыбнулось ей—начались болѣзни.

„Нѣсколько недѣль счастья въ Таганрогѣ, въ желанной уединенной обстановкѣ, были лебединой пѣснью ея супружескаго счастья. Александръ скончался, и жизнь утратила для Елисаветы Алексѣвны всякій смыслъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ страданій, и она отошла въ вѣчность.

„Возможно, что причина ея неудавшейся жизни заключалась въ ней самой, въ ея характерѣ, въ излишней разсудочности, преобладавшей надъ чувствомъ. Ей недоставало равновѣсія ума и сердца; часто разсудокъ затемнялъ первые сердечные порывы,—это сказывалось всю жизнь. Когда она желала исправить ошибки разума, то запаздывала исполненіемъ намѣченнаго и впадала въ еще большее уныніе и разочарованіе, и пребываніе на землѣ было для нея безконечнымъ испытаніемъ, „ниспосланнымъ, какъ она говорила, свыше“.

В. Тимошукъ.

